

«Вот шестьдесят – айда вприсяд»

Накануне Всемирного дня поэзии поэт, прозаик и журналист Николай Якшин отметил юбилей

НА СВОЙ юбилей Николай Якшин придумал мини-стихотворение: «Вот шестьдесят – айда вприсяд». Это у него новый проект. Подумал, что люди обычно запоминают только первые строки: «Мой дядя самых честных правил» или «Не спи, не спи, художник». Вот и решил писать только первые строки. Вышло по-якшински глубоко.

На собственный юбилей его с трудом зазвали – до последнего сидел за компьютером и сочинял. Пришел, как всегда, в стареньком свитере, вроде бы веселый, но глаза печальные. На вопрос, относится ли он к жизни с юмором, тут же парирует: «Это жизнь ко мне относится с юмором». Говорит, что по бытовухе, жизненной обустроенности сам себе не завидует. Не скрывает, что шел по жизни, покачиваясь – зато в верном направлении. Но то, что господь в любви не отказал – это важнее.

У него не биография – судьба. Как заметила хозяйка музея-квартиры Бориса Ручьева Наталья Троицкая, где и проходило празднование, каждую строчку биографии Якшина можно развернуть до рассказа. Его университеты: детдом, суворовское училище, железнодорожный техникум, Литературный институт имени М. Горького, литературные объединения, в которые он входил и которыми руководил... А можно по-другому выстраивать: поселок Коноша в Архангельской области, Ленинград, Мытищи, Караганда, Москва, Вологда, Магнитогорск... Или так: геолог, помощник машиниста электровоза, монтажник, пожарный, электрик, дворник, бригадир монтажников на строительстве ККЦ, контролер лаборатории ММК, воспитатель в школе, журналист «Магнитостроя» и «Магнитогорского рабочего»...

Из зала кто-то спросил:

– Может, это не поиски, а метания?

– Это планида, – ответил Якшин.

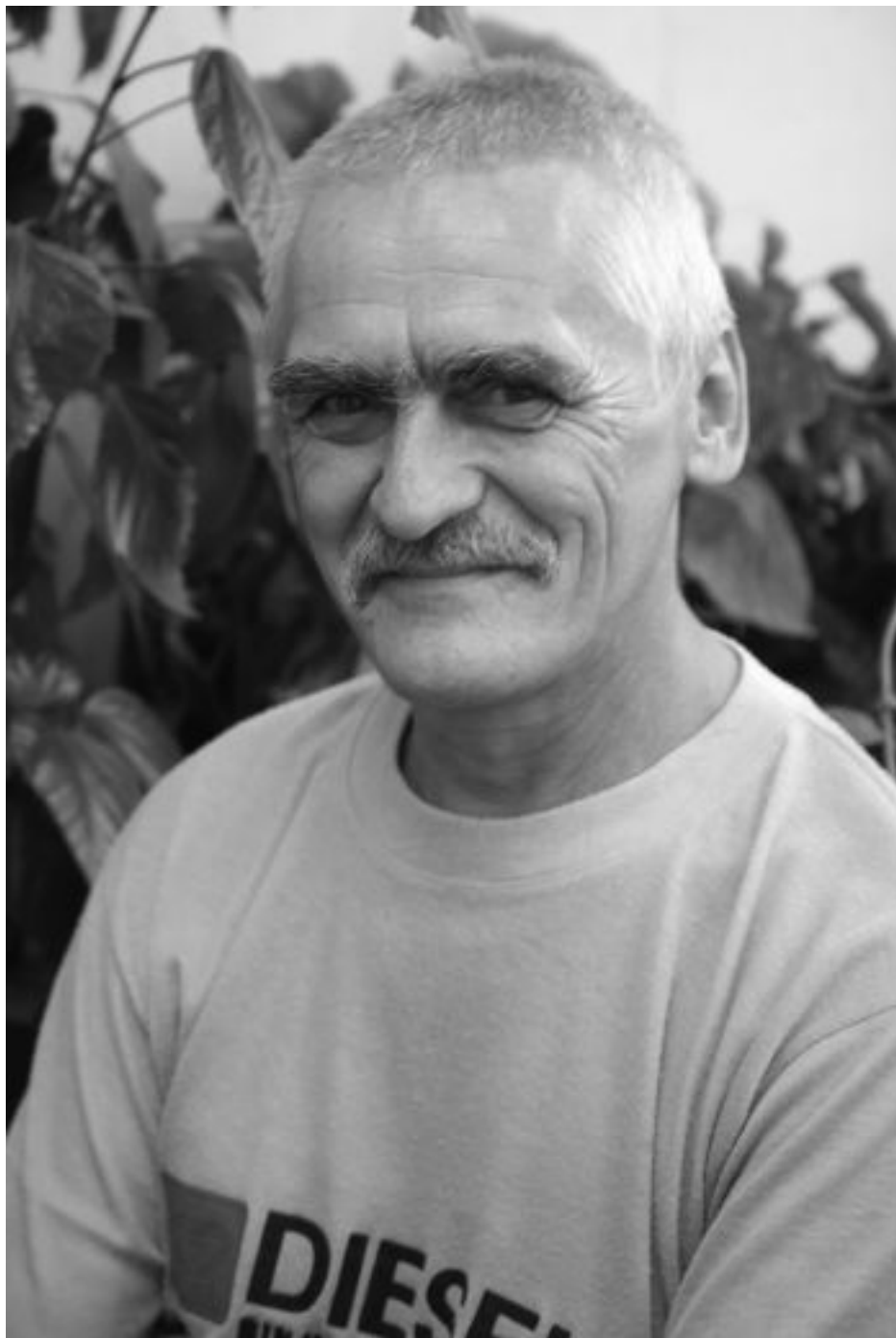
Не забыть бы упомянуть, что он член Союза российских писателей, Союза журналистов России, автор шести поэтических книг... А с «Магнитогорским металлом» у Николая Васильевича долгий роман: шесть лет руководил литобъединением «Магнит» при газете, а с 2005 года – один из редакторов книжной серии, которая выпускается под патронажем «ММ» – «Литература Магнитки. Избранное».

– Идея выпускать серию книг магнитогорских поэтов и писателей – от классиков до современных авторов – пришла сверху, – рассказывает он, и надо знать Якшина, чтобы понять: сверху – это не от начальства, а от Бога. – Пока был в самостоятельном плавании, выпустил четыре книги за год.

Если Бог на меня это взваливает, у меня встречные условия. Я попросил – дай мне еще три года жизни и возможность выпустить тридцать книг. И вместе с «Металлом» и выпускающим редактором Станиславом Рухмалевым нам это удалось.

Станислав Рухмалев обнадужил – выпуск серии продолжится. Значит, будут еще годы и книги. А журналист «ММ», поэт Александр Павлов пожелал юбиляру новых поклевков и хорошего улова – в поэтическом смысле.

На празднике было много тех, чью жизнь изменил Якшин. Они сравнивали его с локомотивом, а себя – с вагончиками. И я – тоже вагончик, и для меня это честь. Поэтесса Марина Казакая рассказала, как он правил



ее первые стихи: «Так нельзя и так нельзя», «А как надо?», «А вот этого никто не знает». А книгу Игоря Гончарова он выпустил, не встречаясь с автором. Игорь, который жил в другом городе, по предисловию пытался определить, что Якшин за человек.

– Однажды сажу в Москве, в булгаковской квартире, – рассказал Игорь, – и вдруг ведущий, наверное, Коровьев, объявляет: «А сейчас выступит магнитогорский поэт...» У меня все опустилось: как, я не заявлялся, я не готов! А

оказалось, слово предоставили Николаю Якшину. Вот так в мистической квартире мистическим образом познакомились...

Кто вошел в круг Якшина, уже не вырвется. По его признанию, он настраивает людей, как пианино – чтобы чувствовали слово, как чувствует его он. На празднике читал стихи, всеми любимые и новые, переступая с ноги на ногу, иногда почти переходя на пение. «У меня есть стихи о Боге, о жизни, о любви. О нелюбви – отдельно».

Устроил маленький перформанс – пере-

вернул стул, надел на его ножки мужские и женские туфли. Гости подходили, меняли обувь местами, додумывали ситуации, смеялись. Призывал ходить на выставки наших художников... По телефону с кем-то разговаривал, будто стихами: «Теперь я каждый день пенсионер!» А прощаясь со мной, устало сказал:

– День рождения устраиваю раз в десять лет. Здорово, что сегодня собрались все мои друзья. Но я ведь социопат – меня к себе никто не зовет.

– Я тоже социопат, – утешила я его. – Работа связана с таким числом людей, что в личное время мне никто, кроме семьи, не нужен.

– Это большая разница. Ты говоришь, что тебе никто не нужен. А я говорю, что я никому не нужен...

И все же на банальный вопрос, доволен ли он, как сложилась его судьба к шестидесятилетию, по-якшински небанально и лукаво ответил:

– Иное было бы бессмысленно.

ЕВГЕНИЯ ШЕВЧЕНКО
ФОТО > ДМИТРИЙ РУХМАЛЕВ

> ПОЭЗИЯ

НИКОЛАЙ ЯКШИН

Утром

Две невесты – две намыленных щеки.
Шарик вертится, года мои легки,
А по щеке прощечокет помазок –
Я от истины всего на волосок.
Всё, что было, не считается, когда
По фаянсу бьет упругая вода.
И пускай в сторонке лезвие блестит –
Безопасное, оно меня простит.

Я и сам к себе сегодня не суров
На исходе очистительных трудов.
И почти позабываю, что опять
Буду новою щетиной обростать.

Прошлое? Настоящее?
Кто я и где?
Мальчик, с обрыва летящий
К темной воде.

Негромко истина живет.
Молчит, вина набравши в рот,
А то по улице тишком
От сих до сих идет пешком.

К речистым в гости забредя,
Она не выкажет себя,
Не взгорячится, не вскричит,
А улыбнется и – смолчит.

Её как будто бы и нет.
Но чей тогда светлеет след
То на асфальте, то в строке,
То в придорожном васильке?

Она, она – горчит в меду,
Она, она – слатит беду,
Она – в дыхании твоём.
Везде она. Ей всюду дом.

Памяти Мандельштама

...А цветочная пыльца
Ищет место схорониться
И с лимонного лица
Опадает на страницы.

Чародей, ушастый Мук,
Хороши твои приправы –
Сельдерей и добрый лук
Ты избрал для вечной славы.

Славно, славно насолил –
Ажно брюхо заболело.
За двойным твоим пределом
Обожравшихся дурил.

Вон опять рубахи рвут
И твою свистят могилу.
Славно, славно ты загнул –
Нет тебя ни там, ни тут.

Эй, в пузырьчатых штанах
Из портьерной блеклой ткани,
Как тебе – под облаками?
Тонкогубому – в орлах?

Ты ответь, да не убей
Грозным словом ненароком.
И сверкает гневным оком
Шестикрылый воробей...

Рядом плачут и поют,
Через дверь поют и плачут.
В утешенье, не иначе,
Мне тобою поддают.

Вот захочу – и на небо взлечу,
Вот захочу – и стану невидимкой,
Не льдинкой тонкой, а дыханьем льдинки
Я воскурюсь по вешнему лучу.
И будет мой бухгалтер потрясен,
Когда меня зарплата не отыщет.
Полубольной, пересчитает тыщи
И надолго задумается он.

А мне-то что? Я на небе живу.
В согласии с законами природы,
Плыву себе через ветра и годы,
Объектом неопознанным плыву...

Мы все прошли летательный ликбез.
С мостов, церквей и Эйфелевой башни,
А кто и со смешной пятиэтажки,
Шагнули мы в объятия небес.

Когда хотим, мы ходим по земле,
Твердим стихи и отрицаем платье,
Но никому и ни за что не платим,
Поскольку есть отметка на челе.

> Я шел по жизни покачиваясь, зато в верном направлении. Николай ЯКШИН